

УДК 81'37: (470.53)

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА КОМПАРАТИВНЫХ ОБОРОТОВ КАК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ¹

Мария Владимировна Боброва

к. филол. н., доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bomaripgu@yandex.ru

Статья посвящена решению одной из проблем фразеологии – определению статуса сравнительных оборотов в речи как свободных либо устойчивых (фразеологических). Указаны предложенные ранее подходы, опирающиеся на грамматические, логические признаки либо семантику оборотов. С опорой на разработки исследователей-предшественников автором определены критерии отнесения оборотов к фразеологическим сравнениям, предложена методика определения фразеологичности сравнений, которая включает пять этапов: установление воспроизводимости сравнительного оборота, его синтаксической функции, идиоматичности, образности, а также целостности как логического построения. Процедура анализа соответствующих фразеологических единиц прокомментирована на диалектном материале, извлеченном из словарей говоров Пермского края. Помимо этого, определены периферийные и смежные языковые явления в диалектной речи.

Ключевые слова: компаративный оборот; фразеологизм-сравнение; диалектная фразеология; говоры Пермского края.

Одной из самых сложных проблем современной фразеологии остается проблема квалификации того или иного сравнительного оборота в качестве фразеологического. Как следствие, в пределах даже одного словаря нередко возникают расхождения в интерпретации материала. Отсутствие же единообразия подходов к однотипным данным, безусловно, создает большие неудобства при работе со словарями, затрудняет поиск необходимых сведений. Непосредственное отношение данная проблема имеет к прикладным исследованиям, в том числе к лексикографированию лексики.

Обнаруживаемые разночтения мы рассматриваем как толчок к решению назревших вопросов, в частности, вопроса о статусе воспроизводимых оборотов с семантикой сравнения (далее также «фразеологизмы-сравнения», «сравнительные фразеологизмы», «компаративные фразеологизмы», «компаративы»). Мы не склонны к излишне расширительному подходу к материалам и принимаем во внимание особенности грамматики, семантики и функционирования, поскольку проблема выходит за рамки лексико-фразеологической и приобретает грамматический, логический, стилистический характер. Именно периферийным положением фразеоло-

гических единиц (далее – ФЕ) обуславливается сложность интерпретаций.

Данная проблема неоднократно привлекала к себе внимание лингвистов, которыми предлагались разные варианты ее решения. Обычно исследователи опираются на один из аспектов существования языковых единиц: формальный либо содержательный. Так, В.П.Жуков основывается на явлении идиоматичности, т.е. невыводимости значения ФЕ из значений его компонентов. Однако такой подход не вполне объяснителен, и, как следствие, возникает необходимость введения понятий «идиоматичные», «неидиоматичные» и «полуидиоматичные» ФЕ [см.: Жуков 2005]. К.С.Горбачевич, пытаясь примирить лексическую отнесенность и синтаксическую функцию компаративных ФЕ, предлагает различать во всей совокупности сравнительных средств русского языка устойчивые сравнения и сравнительные обороты [Горбачевич 2004]. Но и это, на наш взгляд продуктивное, предложение не решает вопроса о статусе таких ФЕ, поскольку требует выработки более четких критериев для разграничения первых и вторых. Более глубокими в данном отношении рассматриваем теоретические выкладки В.М.Огольцева.

Опираясь на признак воспроизводимости, В.М.Огольцев выделяет «устойчивые компаративные структуры», которые считает разрядом единиц в системе русской фразеологии, но при этом предлагает отличать их от фразеологизмов, рассматривая компаративное значение как особый тип суперсегментного фразеологического значения: специфика устойчивых сравнений состоит в отчетливости живых компаративных связей, в то время как фразеологические сравнения характеризуются фразеологичностью, т. е. семантической неразложимостью, целостностью словосочетания, мотивированной значениями слов, составляющих его. Однако роднят их логические основания, отличающие от свободных сравнений: «Свободное сравнение выражает признак единичного предмета, устойчивое – обобщенно-индивидуальный (рубаши-ка/платок/скатерть/ платок – как снег – белые) или индивидуально-групповой признак предмета (борода клином, нос крючком). Свободное сравнение включает в свою структуру все три обязательных логических элемента сравнения (А – предмет, подвергающийся сравнению, В – образ сравнения, С – основание сравнения, m – модуль, или показатель сравнения. – М.Б.); в УС (устойчивых сравнениях. – М.Б.) воспроизводимой является, как правило, только так называемая сравнительная часть (mB), а элементы А и С в нее не входят. Свободная компаративная конструкция – средство выражения восприятия, а устойчивое сравнение – средство выражения представления» [Огольцева].

Формальный подход обнаруживаем также в работе К.Н.Прокошевой, автора «Фразеологического словаря пермских говоров», которая обозначает фразеологизмы-сравнения следующим образом: это «...такие словесные комплексы, которые обладают сравнительной семантикой и структурно и семантически характеризуются признаками компаративности в виде лексико-семантических элементов – различных простых и сложносоставных сравнительных союзов» [Прокошева 1974: 105].

На диалектном материале вопрос о статусе фразеологизмов-сравнений решался в специальной работе И.И.Баклановой. Исследовательница фактически подвела теоретическую базу под материал, представленный во «Фразеологическом словаре пермских говоров» К.Н.Прокошевой, при этом она опиралась (будучи, в первую очередь, синтаксистом) на грамматический аспект. Ею были выделены структурные модели компаративных оборотов, их структурные типы (к последним отнесены обороты с одним знаменательным словом, тождественные сравнительной конструкции, и с несколькими знаменательными

словами, тождественные словосочетанию и предложению), далее – сделан вывод о том, что структурные особенности оборотов определяют их соотношенность с той или иной частью речи, а как следствие, лексико-грамматические типы. Последующий анализ синтаксических характеристик сравнительных ФЕ подвел к ценному заключению, что они могут выступать в качестве определенных членов предложения. Функция компаративных оборотов в конкретном высказывании определяется их способностью передавать значение: (1) определительно-характеризующее (или значение состояния) при именных членах высказывания либо (2) обстоятельственно-определяющее при глаголах с семантикой движения и изменения положения тела в пространстве. И в первом случае ФЕ – часть именного сказуемого, во втором – дуплексив [Бакланова 2011].

Однако опора на грамматику вновь не дала решения проблемы. «Вопрос о том, где проходит граница между образными ФЕ и образными сравнительными оборотами, по-прежнему остается открытым», – заключает И.И.Бакланова [там же: 31]. Не случайно, что «фразеологизмы сравнения в словаре К.Н.Прокошевой поданы неоднобразно: часть фразеологизмов сравнения в приведенных иллюстрациях не выделена на письме запятыми, другая же часть приравнена к сравнительным оборотам и обособлена» [там же: 29], аналогичные единицы могут иметь не аналогичные толкования.

Наши наблюдения подсказывают, что истина (ответ на волнующий вопрос) лежит, как обычно, посередине. Мы убедились в недостаточности опоры лишь на семантику, на логические признаки или на формальные особенности ФЕ. Считаем целесообразным учесть все ценные наблюдения, сделанные исследователями, но вместе с тем принять во внимание вскользь брошенную И.И.Баклановой фразу: «Ясно одно: проанализированные нами сравнения – это **образные** (выделено нами. – М.Б.) средства диалектной речи» [там же: 31]. Ср. также высказывание А.Ф.Прияткиной: «Сравнение – это обычно метафорическая интерпретация сопоставления» [Прияткина 1990: 91]. Не случайно, и рассуждения В.М.Огольцева о логической основе языковых сравнений подвели к выводу о том, что обр-зность – обязательный признак устойчивых сравнений: «Под **устойчивыми компаративными структурами** понимаются разложимые на значимые элементы воспроизводимые единицы языка, компоненты которых характеризуются компаративными взаимоотношениями, определяющими целостное компаративно-образное значение»; и более того, исследователь подчер-

кивает, что, как только компаративная конструкция оказывается логической, свободной, она сразу же утрачивает характер уподобления и, следовательно, образность [Огольцева].

Тем самым фактически все исследователи приходят к заключению, что фразеологические сравнительные конструкции должны отвечать требованию образности. В понимании данного явления мы опираемся на определение лексической образности, данное Л.А.Грузберг: «...образность рассматривается как одна из коннотативных характеристик слова, как способность слова заключать в себе и воспроизводить в речевом общении конкретно-чувственный облик (образ) предмета, зафиксированный в сознании носителей языка, – своего рода зрительное или слуховое представление» [Грузберг].

Вслед за Л.А.Грузберг обозначим основные положения, касающиеся проявления данного признака лексем в речи.

1. Образность есть семантический компонент, актуализирующий чувственные ассоциации (представления), связанные с определенным словом, а через него и с конкретным предметом, явлением, называемым данным словом.

2. Образность может быть мотивированной и немотивированной.

3. Языковая (семантическая) основа мотивированных образных экспрессивных слов – это

а) образные ассоциации, возникающие при сравнении двух представлений о реальных объектах, явлениях, – метафорическая образность;

б) звуковые ассоциации;

в) образность внутренней формы как результат словообразовательной мотивированности.

4. Языковая основа немотивированной образности создается за счет ряда факторов: затемненности внутренней формы слова, индивидуальных образных представлений [там же].

Принимая во внимание то, что фразеология – часть лексической системы, считаем, что сказанное о лексической образности в полной мере применимо и к устойчивым выражениям.

Действительно, при определении статуса компаративной конструкции очень важен лексико-семантический аспект.

Сравнительный оборот, на наш взгляд, отличается тем, что апеллирует к прямому значению лексемы, иначе говоря – к денотату, непосредственным признакам обозначаемой реалии, приписываемым ей в сознании говорящих. Отличие же устойчивых сравнений состоит в создании образа, который может строиться на переносном значении лексемы, на периферийных (факультативных) признаках реалии, на переосмыслении однократной либо регулярно повторяющейся ситуации, на экспрессивно-эмоциональной оцен-

ке реалии либо ситуации. Ср. логические построения В.М.Огольцева: «...основание С для элемента А – это логически существенный и актуальный признак с точки зрения цели выражения, а для элемента В это признак если не существенный, то явный отличительный родовой или видовой признак» [Огольцева].

Рассмотрим, например, сравнительные конструкции типа (1) *сильный, как лев*, (2) *вкусный, как свежесыпеченный хлеб*, (3) *устал, как устала бы лампочка на 220 вольт, включенная в сеть на 120 вольт без трансформатора* (подобраны примеры, конструктивно тождественные диалектным устойчивым сравнениям, т.е. тождественные лексеме, словосочетанию и предложению). Первый оборот не фразеологизирован, так как, во-первых, сравнение, хотя и относится к именной форме, выражает обстоятельственное значение, выступая в роли обстоятельства степени. Во-вторых, эта конструкция довольно часто воспроизводится и воспринимается как «хрестоматийный пример», но ее повторяемость оказывается возможной благодаря тому, что здесь актуализируется непосредственный признак реалии (сила, выступающая как характеристика льва, для носителя русского языка неоспорима); это устойчивый, но не фразеологичный компаратив в теории В.М.Огольцева. И значит, оборот не идиоматичен (его значение хотя и не вытекает из лексического значения наименования, но ассоциируется с понятием о льве), при этом лишен образности, экспрессивности по причине частотности употребления.

Второй оборот также лишен фразеологичности: во-первых, он не воспроизводим; во-вторых, выражает чисто обстоятельственное значение при именной единице; в-третьих, он не идиоматичен (*свежесыпеченный хлеб* действительно вкусен) и не обладает образностью.

Третья конструкция не лишена образности (эпитет *уставшая* по отношению к *лампочке*, безусловно, метафоричен) и идиоматичности (*усталость* лампочки, включенной в сеть с вдвое большим напряжением, сомнений не вызывает, однако значение это не вытекает из прямой семантики соответствующей лексемы), но лишена фразеологичности по ряду причин. Во-первых, она ярко индивидуальна (зафиксирована в речи пятилетнего ребенка, представлена в книге К.И.Чуковского «От двух до пяти») и интересна, в первую очередь, именно своей необычностью. Иными словами, данный оборот невоспроизводим. Во-вторых, хотя компаративная структура выполняет функцию дуплексива, однако относится к глагольной форме, которая не является глаголом с семантикой движения и изменения положения тела в пространстве (т.е. оборот ли-

шен обстоятельством-определяющим значение), и характеризует высказывание целиком.

Дополнительным обоснованием того, что данные обороты не являются устойчивыми, служит наличие в них всех трех логических элементов сравнения (имеются предмет, образ и основание сравнения) при отсутствии идиоматичности и фразеологичности. Наличие же образности в последнем примере объясняется метафоричностью лишь второй части структуры, где лампочке приписываются человеческие качества, происходит, так сказать, удвоение сравнения: *некто как лампочка* и *лампочка как человек*, в результате чего у глагола *устать* актуализируется обобщенное значение 'утратить способность выполнять свои функции (о лицах и предметах)' (ср. без придаточной части – *устал, как лампочка*, где усматривается алогичность, абсурдность построения).

Итак, процедура определения фразеологичности / свободности сравнительных оборотов сводится к оценке конструкции по пяти критериям: 1) воспроизводимость, 2) синтаксическая функция и грамматическое значение, 3) идиоматичность, 4) образность, 5) целостность логической структуры. Прокомментируем ее, опираясь на ФЕ, извлеченные из диалектных словарей Пермского края (см. список источников).

Методика определения фразеологичности видится следующим образом.

Первый шаг (1) – ответ на вопрос о регулярности использования компаратива в речи. В отношении диалектных единиц основной показатель – наличие повторяющихся фиксаций. Единичные записи уже могут служить основанием для отвода ФЕ, хотя бы потому, что оборот может быть индивидуальным. Однако иногда свидетельств самих носителей языка способны обеспечить ФЕ место в корпусе диалектных фразем даже и при единичной фиксации. Ср., например: *Вот напьётся много воды, дак говорим: «Ой, пучину набил, опился ведь»; Кто-то вот сидел, сидел – торопится [говорим]: «Да сиди, принесём рыбу сига!»*. Показания диалектоносителей, которые позволяют утверждать о повторяемости фразеологизма, рассматриваем как основание для выделения ФЕ *набить пучину* 'напиться и / или наесться вдоволь', паремии *сиди – принесём рыбу сига* 'употребляется хозяевами дома как приглашение задержаться еще'.

Второй шаг (2) – оценка синтаксической роли оборота. В качестве положительного результата при определении статуса компаративной конструкции как ФЕ рассматривается выполнение требования, выявленного И.И.Баклановой, а именно способность быть частью именного сказуемого и передавать определительно-

характеризующее значение (значение состояния) при именных членах высказывания либо быть дуплексивом при глаголах с семантикой движения и изменения положения тела в пространстве и выражать обстоятельство-определяющее значение. Ср. в диалектных высказываниях:

1) *День-от сёдня как божья слезиночка: солнышко, баско; Не ждали уж тебя, Мария, явилась как новая копейка. Проходи давай, садись*. Выделяем здесь ФЕ *как божья слезиночка* 'ясный, солнечный, не жаркий и не холодный (о дне, погоде)', *как новая копейка* 'неожиданно, вопреки ожиданию'; 2) *Раньше-то мы в другой деревне-то жили, да уехали все. Остались мы, как на острове; Мария-то на пекарне робит. Они там, как в шахте: шибко жарко*. Полагаем, есть основания примеры второй группы не считать фразеологизмами. Первый «претендент» на ФЕ не является дуплексивом, относясь лишь к глаголу (*остались (как?) как на острове* – в одиночку, изолированно; отсутствует зависимость *мы (каковы?) как на острове*). Во второй фразе, являющейся контекстуально неполным предложением, оборот не связан с присутствующим именным компонентом – подлежащим (нельзя задать отношения *они (каковы?) как на шахте*), а зависит от отсутствующего глагола типа *работают, находятся* или какого-либо иного.

Третий шаг – ответ на вопрос о связи значения оборота с прямым значением его компонентов либо с непосредственными характеристиками обозначаемых этими словами реалий. Ср.: *О, робят-то у ё как аргишев*. Во фразеологическом словаре К.Н.Прокошевой и в «Словаре пермских говоров» оборот *как аргишев* выделен в качестве устойчивого со значением 'много, в большом количестве'. Эта сема отсутствует в значении лексемы (*аргиш* 'пресноводная рыба семейства карповых; гольян'), однако обозначаемые ею маленькие рыбки обычно держатся стайками из большого количества особей, и это, очевидно, послужило основанием для сравнения их с детьми (актуализированы семы 'маленький' и 'многочисленный'). В связи со сказанным необоснованным видится отражение приведенной фразы в словаре с запятой, которая разрушает устойчивость конструкции, безосновательно актуализируя в высказывании прямое значение лексемы *аргиш*. В то же время спорна подача в словаре в качестве фразеологического оборота *как немтырь* со значением 'невнятно, непонятно': *Что ты, как немтырь, говоришь?! Скажи толково*. Здесь запятая оказывается, напротив, очень уместной, поскольку не вызывает сомнений прямая связь сравнения с семантикой диалектного слова *немтырь* – 'заика' [СПГ 2000: 590].

Четвертый шаг – ответ на вопрос об образности конструкции. Интересен в этом отношении оборот, который представлен в словаре К.Н.Прокошевой в форме *как вертолет* ‘быстро, подвижно’: *Товар привезли в магазин, дак почтальонша как вертолёт летит* [Прокошева 2002: 44]. На наш взгляд, такая подача не совсем отвечает положению вещей, поскольку в данном виде оборот предстает в роли дуплексива, однако в этом случае рисовался бы иной образ: *почтальонша (какова?) как вертолёт*, скорее, представляется человеком, который очень быстро размахивает руками, подобно лопастям вертолета. Здесь же мы видим связь лишь с глаголом, именно он придает выражению метафоричность (*летит*, т.е. ‘перемещается очень быстро, словно летательный аппарат’). Логичным поэтому видится то, что в «Словаре пермских говоров» указанная конструкция подана в несколько ином виде: *как вертолёт идти, двигаться* ‘быстро; подвижно’ [СПГ 2000: 87], благодаря чему устраняется грамматическое и лексико-семантическое несоответствие.

Пятый шаг – ответ на вопрос о целостности структуры логического сравнения и актуальности компаративных отношений. Основанием для выделения фразеологизма следует считать отсутствие предмета и / или основания для сравнения, но при условии обязательного затемнения компаративных связей, поскольку пропуск компонентов логической структуры естествен в потоке живой речи. Обратимся вновь к приведенным выше примерам. Так, в высказывании *День-от сёдня как божья слезиночка: солнышко, баско* лишь косвенно отражено основание для сравнения, введенное в качестве комментария; при этом для многих людей неочевидна связь понятия *божья слезиночка* и комфортной для человека погоды. Для того, кто не является носителем традиционной культуры (например, чуждого православной культуры горожанина или представителя молодого поколения сельчан, в значительной степени подвергшегося влиянию культуры массовой), при использовании фразеологизма и требуется добавочная информация. Это те сведения, знания, что апеллируют к народным представлениям о *божьей слезе (росе)* как проявлению Божьей милости, а в приведенной фразе – как особому состоянию природы, действующему на человека умиротворяюще, очистительно, проясняюще и т.п. (ср. также выражения *слезы очищают* или *ясно как Божий день*). Тем самым рассматриваемый фразеологизм приобретает в народной речи периферийное положение, поскольку в представлениях носителей традиционной культуры компаративные связи и теперь вполне ощутимы.

В высказывании *Что ты, как немтырь, говоришь?! Скажи толково* также сразу не проговаривается логическое основание устанавливаемых компаративных отношений, оно вводится во второй части и выражается косвенно, через понятие *толково*. Однако наличие в диалекте лексемы *немтырь* в значении ‘заика’ не оставляет сомнения в отчетливости компаративных связей во фразе.

Любопытно здесь то, что стирание сравнительных корреляций в значительном количестве случаев демонстрируют структуры именно при глаголах движения. Становится очевидным, что этому способствует закрепившаяся в русском языке соотнесенность представлений об изменении положения в пространстве с представлениями об изменении состояния кого- или чего-либо.

Основанием для отказа ФЕ в устойчивости и признания конструкции чисто сравнительной, т.е. свободной, может рассматриваться несоответствие любому из критериев.

Отсюда вытекают еще некоторые наблюдения.

Во-первых, априори устойчивыми следует считать те компаративы, в которых присутствуют устаревшие лексемы со стершейся семантикой, а значит, с затемненными компаративными связями. Утрата значения слова и представлений об основаниях для сравнения уже способствует возникновению образности высказывания, ср.: *как абыз* ‘невежливый, малоразговорчивый; непочтительный’, ‘о невежливом, непочтительном человеке’: *Он, знать-то, всегда как абыз ходит, никогда с человеком не поздороватся, ничё; Если человек твердолобой, поперёшной, ни с кем не разговариват, дак говорят – как абыз; Помалкиват, не здороватся, как абыз; Колька из армии пришёл, родители дома оставили, на страду, дак он как абыз ходит, хмурной такой, вредной*. Вопрос о воспроизводимости решается здесь положительно, поскольку имеется несколько фиксаций в разных районах Пермского края (Соликамском, Чердынском, Красновишерском). Оборот, далее, выступает в роли дуплексива (*он* (каков?) *как абыз* и *ходит* (как?) *как абыз*) либо именной части сказуемого (*человек* (каков?) *как абыз*). Лексема восходит к татарскому языку (*абыз* ‘мусульманское духовное лицо; в русских памятниках иногда употребляется вместо муллы’ [Дьяченко 1993: 2]), сохранилась в говорах лишь в составе ФЕ, следовательно, оборот идиоматичен. Кроме того, что характеристика ненормального поведения дается через необычное, неизвестного происхождения слово, образность придается звуковой оболочкой слова: его звучание подсказывает, что оно заимствовано, а значит, апеллирует к образу инородца, для которого

естественно не знать языка и обычаев народа и потому по большей части отмалчиваться, не здороваться, проявлять неприветливость и даже недружелюбие или враждебность.

Во-вторых, необходимо четко различать лексикон литературного языка (общерусскую основу) и лексикон диалектный. Иначе при смешении двух систем могут возникать ошибки, не отвечающие истинному положению вещей. Это те самые случаи, которые дали повод для возникновения шуток о том, что любой словарь – это, прежде всего, словарь его картотеки или, что точнее, его составителей (говорим это, осознавая степень собственного несовершенства как лексикографа). Так, например, *как сардаво* ‘большой, высокий’, ‘о чем-либо большом, высоком’ подано в двух словарях с цитатой: *Сочень-от высказала, как сардаво. Полё у нас есть высокоё, сардаво называется*, причем только в одном присутствует запятая перед оборотом. Полагаем, наличие комментария позволяет предположить, что *Сардаво* – микропоним и сравнение здесь прямое, не являющееся компаративным фразеологизмом: ‘такой, как поле Сардаво, – большой и (возможно) возвышающийся’.

Сравните также ФЕ *как силье* ‘о жестких, прямых волосах’: *Были бы кудрявы да легки, а то как силье, твердые, как у лошаде*. Поскольку в говорах активно используется лексема *силье* ‘волосы из гривы и хвоста лошадей’ [СПГ 2002: 335], ‘волосы конского хвоста и гривы’ [АС 2003: 77], вероятно, корректнее считать оборот сравнительным, лишенным фразеологичности, что подтверждается в контексте комментарием «*твердые, как у лошаде*».

Но и при том подходе, который предложен в настоящей статье, можно выделить периферийные явления, когда компаративы лишь условно относятся к числу ФЕ. Прежде всего, это устойчивые обороты, компоненты которых поддерживаются диалектной лексической и словообразовательной системой. Например, *как няра (нярганья)* ‘плаксивый’: *Ходит стонет, как няра: одно болит, друго болит* – по своим признакам (см. выше процедуру проверки фразеологичности оборотов) отвечает всем пяти требованиям. При этом в лексической системе говоров не зафиксирована лексема *няра*, но присутствуют соотносимые с ней единицы: *няргать* ‘хныкать, плакать’ [СПГ 2000: 605], *няпра* ‘тихоня, робкий’ [СРГКПО 2006: 164]. Лексема *чикошня* в ФЕ *как чикошня* ‘болтливый’, ‘о чрезмерно болтливом человеке’: *Ей ничё нельзя сказать: она как чикошня – всё ростреньгат* – соотносится с обширным гнездом: *чикуша* ‘тот, кто много и быстро говорит’, *чикотня* ‘непрерывный или часто повторяющийся треск, шум; трескотня’

[СПГ 2002: 531], *чектать, чекотать* ‘много и быстро говорить’, *чекуша* ‘словоохотливая женщина; болтушка’ [СПГ 2002: 525], *чикать, чекать* ‘издавать звуки, похожие на «чик-чик» (о насекомых)’, ‘ударять палкой, лопаткой (по мячу, «чижу» и т. п.) во время игры’, ‘ударом палки, лопатки отбивать в игре мяч’, ‘ударять ладонью, кулаками (о человеке), лапами (о животном)’, *чекать руки* ‘осуществлять жеребьевку, вытягивая зажатые в кулаке палочки разной длины’, *чикаться, чекаться* ‘наносить удары ладонью самому себе’, ‘дерясь, наносить удары кулаками друг другу’, *чики-чики* ‘имитация частых отрывистых звуков, которые слышатся человеку при головных, ушных и т. п. болях’, *чикнуть* ‘сфотографировать (обычно быстро, незаметно для окружающих)’, ‘однократное к *чикать* – ударять палкой, лопаткой (по мячу, «чижу» и т. п.) во время игры’, *чикуша* ‘легкий удар, шлепок, затрещина’, *чикушом, в чикальцы* ‘игра (вид жмурок), по правилам которой ведущий с завязанными глазами должен поймать игрока, ударившего его по спине или рукам’, *чикануть, чекануть* ‘дерясь, рукоприкладствуя, ударить кулаком’, *чикануться* ‘учинить драку’, *чикалка* ‘палка для жеребьевки метанием в детской игре’, *чикало, чекало* ‘ведущий в детской подвижной игре «руки чекать»’, ‘палка, используемая таким ведущим’, ‘деревянный предмет (палка, доска, щепка и т. п.), с помощью которого отмечают место броска палки или мяча в детской игре’, *чик-чик*¹, *чик-чик-чик* ‘имитация частых отрывистых звуков’, *чик-чик*² ‘легкий удар, шлепок, которые наносятся в виде наказания’, *чик-чик*³ ‘в виде наказания нанести легкие удары, шлепки’ [АС 2011: 196–198]. Положение таких фразеологизмов тем более условно, что в пермской речи распространено введение сказуемого союзом *как*, причем вне зависимости от частеречной принадлежности сказуемого, ср. во фразах типа: *Он как проспал, поэтому опоздал; Она ну как врач*.

Итак, опыт исследователей демонстрирует недостаточность опоры только на один какой-либо критерий и, тем более, лишь на собственное чутье фразеографа при квалификации сравнительных оборотов как устойчивых (фразеологических). Определение статуса компаративной конструкции требует специальной методики анализа материала, которая учитывает как семантические, так и грамматические, логические, функциональные, стилистические особенности языковых единиц. Процедура анализа компаративных конструкций предполагает пять этапов, на которых подтверждается воспроизводимость сравнительного оборота, устанавливается его синтаксическая функция, определяется идиоматичность,

обнаруживается образность, оценивается целостность высказывания с точки зрения логических элементов сравнения. Диалектные материалы требуют специфических приемов анализа, поскольку говоры демонстрируют наличие периферийных и смежных со сравнительными устойчивыми оборотами явлений.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-34-00330a2, 12-34-01043a1).

Список литературы

Бакланова И.И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.4(16). С.27–31.

Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: АСТ-Астрель, 2004.

Грузберг Л.А. Образность – категория лингвистическая? // Филолог: науч.-метод. культурно-просветительский журнал Перм. гос. пед. ун-та. Вып.6. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_140 (дата обращения: 16.11.2012).

Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. 1120 с.

Жуков А.В. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. №51. С.57–60.

Огольцева Е.В. Устойчивые компаративные структуры русского языка в концепции профессора Василия Михайловича Огольцева. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&>

page=Book&id=77847 (дата обращения 13.11.2012).

Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.

Прокошева К.Н. Структура устойчивых сравнительных оборотов в говорах Северного Прикамья // Вопросы лексики, фразеологии и синтаксиса. Пермь, 1974. С.103–111.

Список источников с использованными сокращениями

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6 вып. Пермь, 1984–2011.

Подюков И.А., Поздеева С.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010. Вып. I (Абалтус – Кычига).

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004.

Прокошева – Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002.

СПГ – *Словарь* пермских говоров: в 2 т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В.

ON THE PROBLEM OF DETERMINATION OF THE STATUS OF COMPARATIVE PHRASES AS PHRASEOLOGICAL

Maria V. Bobrova

Reader of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State National Research University

The article is devoted to finding the solution to one of the problems of phraseography – determination of the status of comparative phrases in speech either as free or fixed (phraseological). The traditional approaches based either on grammatical, logical properties or semantics of the phrases are regarded. Using the predecessors' concepts the author marks the criteria of phrases reference to phraseological comparative units, and describes the technique for determination of phraseological nature of phrases, which has the following five steps: to establish reproducibility of the comparative phrase, its syntactic function, idiomaticity, artistry and integrity as a logic structure. The analysis procedure of the phraseological units is illustrated by the dialect data got from the dialect dictionaries of the Perm Krai. Moreover, peripheral and allied language phenomena in dialect speech are identified.

Key words: comparative phrase; phraseological-comparative unit; dialect phraseology; Perm Krai subdialects.